

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ FICTION

ZÜLFÜ LİVANELİ

SERENAD

ЗЮЛЬФЮ ЛИВАНЕЛИ

СЕРЕНАДА
для Надеи
ЗАБЫТАЯ ТРАГЕДИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Колibri

МОСКВА

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Түң)-44
Л55

Ömer Zülfü Livaneli
SERENAD

Перевод с турецкого Сабиры Серазидиновой

Ливанели, Омер Зюльфию
Л55 Серенада для Нади. Забытая трагедия Второй мировой / Омер Зюльфию Ливанели ; [пер. с тур. С. Р. Серазидиновой]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 448 с. — (Документальный *fiction*).

ISBN 978-5-389-27486-0

Стамбул, 2001 год. Майя Дуран — мать-одиночка, пытающаяся совмещать ответственную работу в Стамбульском университете с воспитанием сына-подростка. Все усложняется, когда ей поручают сопровождать загадочного Максимилиана Вагнера, пожилого профессора Гарварда немецкого происхождения, приехавшего в город по приглашению университета. Хотя поначалу он ведет себя отстраненно, Майя постепенно узнаёт о трагических обстоятельствах, которые привели его в Стамбул шестьдесят лет назад, и о мрачных реалиях, которые продолжают преследовать его.

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Түң)-44

ISBN 978-5-389-27486-0

© Ömer Zülfü Livaneli, 2011
© Серазидинова С. Р., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
КоЛибри®

*Встреча,
изменившая жизнь*

1

Люди, которые хорошо переносят полеты, забывают, что они сидят в металлической коробке на высоте восьми тысяч метров, их больше заботит качество вина, вкус еды, размер кресла. Скажу сразу — я именно из таких людей.

Потягивая белый портвейн в комфортном кресле самолета, следующего из Франкфурта в Бостон, я слушаю убаюкивающее гудение турбин.

После того как подали ужин, самолет погрузился в темноту. Некоторые пассажиры надели маски для сна, которые ранее раздали в синих мешочках, и теперь спят, некоторые достали из тех же мешочков теплые носки и смотрят кино на экране впереди стоящего кресла. Те, кто включил комедию, смеются в голос, так как не слышат себя из-за наушников. А сидящий передо мной седой мужчина, должно быть, страдает от синдрома беспокойных ног.

Немецкие стюардессы в синих костюмах и таких же шапочках, собрав подносы и пожелав пассажирам спокойной ночи, теперь закрывают шторы иллюминаторов. Они это делают в ночное время, чтобы пассажиров не разбудили рассветные лучи.

Если вы не хотите просыпаться на завтрак, вам надо повесить специальный знак на спинку вашего кресла. Я, однако,

спать не собираюсь. Я начала набирать этот текст на ноутбуке и продолжу печатать до прибытия в Бостон. Мне нужно закончить мою историю, пока мы не сели.

Не знаю почему, но я чувствую, что это необходимо. Надо закончить историю, завершить это дело, рассказать все до конца. Старые счеты, пережитые страдания, последствия человеческой жестокости — все нужно похоронить. Карл Саган считал, что люди до сих пор проявляют агрессивные черты своих предков-рептилий. «Мозговой ствол — орган, доставшийся нам в наследство от рептилий и определяющий развившиеся со временем агрессивное и ритуальное поведение, территориальную и социальную иерархию», — говорил он.

Я с ним согласна. В каждом из нас под маской вежливости скрывается крокодил, который сразу обнажает свои острые зубы, стоит нам почувствовать угрозу.

Я должна рассказать все. Только признание, только свидетельство помогут боли утихнуть, и жить станет проще.

Этим утром я села на рейс Стамбул — Франкфурт. Во время пересадки во Франкфурте я немного скоротала время в кафе за чашечкой латте. Затем пробралась через запутанные лабиринты этого аэропорта-города, где все устроено для полетов, и подошла на паспортный контроль. Отстояв очередь для всех неевропейцев, я протянула свой паспорт со звездой и полумесяцем сурово глядящему пограничнику. Он тщательно внес в систему все данные.

Имя: Майя

Фамилия: Дуран

Пол: женский

Дата рождения: 21 января 1965

Должно быть, он подсчитал, что мне 36 лет.

Поскольку в паспорте нет информации о религиозной принадлежности, пограничник не стал писать «вероисповедание:

ислам», однако, держа в руках турецкий паспорт, он был полностью в этом уверен. Какое еще может быть вероисповедание! Между тем, внутри меня жили еще три женщины. Я была не просто Майей: в то же время меня звали Айше, Надя и Мари.

С этими четырьмя личностями мне предстояло прибыть в Америку. В бостонском аэропорту Логан я сяду в такси и поеду в Массачусетскую больницу общего профиля.

Никто не спросит мое вероисповедание. Если же найдется такой любопытный, ответ у меня готов: мусульманка, иудейка и католичка, короче говоря — человек.

Все стюардессы в самолете высокие и красивые блондинки. Униформа на них сидит как влитая. Никогда не видела других людей, на которых одежда всегда сидела бы как на немцах — без единой складочки, будто ее только что выстирали, отутюжили иakraхмалили. То ли телосложение у них такое, то ли держатся они прямо — не знаю. Вот только такая проблема, как у меня, — когда тщательно подбираешь образ и каждое утро выходишь из дома разодетый, а в конце рабочего дня выглядишь растрепанной неряхой — немцам не знакома.

Я, конечно, не Лабрюйер¹, но поскольку много лет встречала иностранных гостей Стамбульского университета, у меня накопились наблюдения за людьми всех национальностей. В таких вещах я обычно не ошибаюсь.

Одна из этих аккуратных стюардесс забирает у меня пустой стакан от портвейна и спрашивает по-английски, хочу ли я еще.

¹ Жан де Лабрюйер (1645–1696) — французский писатель, автор книги «Характеры, или Нравы нынешнего века», в которой он создал психологические портреты своих современников из разных слоев общества. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.*

— *Thank you!*¹ — отвечаю я, и да, я хочу еще. С тех пор как Филиз, ездившая в Португалию на медицинский конгресс, привезла мне оттуда бутылку белого портвейна, я полюбила этот напиток. Хотя попадается он мне нечасто...

На самом деле я пью не так много. Первый раз мне дал попробовать вино Ахмет. Мне совсем не понравилось, но мне нравился Ахмет, поэтому я ничего ему не сказала. А потом, должно быть, привыкла. Ах, те первые годы! Когда я познакомилась с Ахметом, он был совсем другим человеком, чудовище внутри него еще спало. В те годы я грезила, что он тот, о ком я мечтала, — по-женски тонкий, но в то же время настоящий мужчина.

Если я перескакиваю с темы на тему, причина тому не портвейн, а неразбериха в моей жизни.

Ахмет был высоким, достаточно привлекательным шатеном. Глаза у него были маленькие и близко посаженные, однако такие черты не портят мужчин так, как женщин. Все компенсирует телосложение и мускулатура.

Он больше не мой муж. Мы развелись восемь лет назад.

У меня был любимый или, как теперь модно выражаться, бойфренд по имени Тарык. Но и его я оставила позади, среди своих стамбульских воспоминаний. Ведь Майя должна быть свободной, не обремененной никакими связями, никакими отношениями.

Стюардесса, бесшумно скользя между спящими пассажирами, приносит отличный портвейн. Сделав глоток, я закрываю глаза. Затем тоже надеваю теплые носки из синего мешочка. Как приятно снять каблуки. Знаю, что ноги опухнут и после посадки будет сложно надеть туфли снова, но оно того стоит.

История, которая подойдет к концу, когда я сяду в Бостоне и доберусь до Массачусетской больницы, и которая полностью изменила мою жизнь, началась три месяца назад, в феврале.

¹ Спасибо (*англ.*).

В тот день я вышла из ректората и села в машину, когда зазвонил телефон. Это был Тарык. Я сняла трубку:

— Дел по горло, Тарык. Этой бумажной работе конца-края нет! То с прессой пообщайся, то речь ректора подготовь, то опровержение напиши. Вдобавок надо встретить иностранца в аэропорту! Ехать долго, пробки жуткие, да и погода ужасная. Дождь пробирает до костей.

Вдруг я замолчала: испугалась, что может начаться неприятный разговор. Тарык тоже мог быть занят и не в настроении.

Но нет, как оказалось, угрозы поссориться не было. Все было хуже: из трубки доносились только «м-м-м», «да-а?» и подобные ничего не значащие звуки.

Я не могла знать, что он там делал, все равно я его не видела — ему не нужно было стараться изображать заинтересованность. Кто знает, чем он был занят. Может быть, работал за компьютером, печатал что-то одной рукой.

Лучше бы он вообще не звонил. Но я воспользовалась его звонком, чтобы пожаловаться. И как же неприятно было потом подбирать подходящие слова, чтобы закончить разговор на позитивной ноте.

— Знаешь, Стамбул в феврале просто с ума сводит. День и ночь идет дождь, — продолжила я мягче, — все время холодно и зябко. Чего ни коснешься — все мокрое. Ветер то ледяной, то промозглый. Море штормит, все время темно...

— Ну да, — ответил Тарык, — чем еще ты недовольна в жизни?

Я раздраженно взглянула на телефон.

— Я все перечислила, не переживай. А ты, вместо того чтобы поддержать, только издеваешься!

Конечно, я перечислила не все. Не могла же я рассказать, как уже три дня болит живот, как я забыла взять с собой тампоны в университет и как намучилась, пока не добралась до аптеки.

Тарык, конечно, классный парень, но мы пока не настолько близки.

— А кто?

Должно быть, молчание затянулось, и он почувствовал необходимость что-нибудь спросить.

— Кто «кто»?

— Иностранец. Которого ты в аэропорту встречаешь.

Я взглянула на распечатку перед собой.

— Максимилиан Вагнер. Профессор из Гарварда. Имя немецкое, но сам он американец.

— Зачем приезжает, на конференцию?

— Тут есть его биография, я пока не читала. В любом случае раньше, чем через час, я до аэропорта не доберусь, успею ознакомиться.

— Ладно, терпения тебе, дорогая. Увидимся.

— А ты зачем звонил?

— Думал вечером встретиться, если ты свободна.

Он повесил трубку. «И этот туда же», — вздохнула я. Я что, никогда не встречу мужчину, который будет понимать не то, что я говорю, а то, что я хочу сказать? Неужели так сложно понять, что, когда я говорю: «Погода ужасная», я говорю не только о погоде? Мне непременно надо сказать: «Я устала от этой жизни»? Кто-нибудь поймет, что, когда я говорю: «Дел по горло», это значит, что я нуждаюсь в сильном мужчине рядом? Как можно не понять, что «дождь пробирает до костей» на самом деле значит «хочу, чтобы ты был рядом»? Грош цена объятиям, если приходится говорить: «Обними меня»! Видимо, я все время требую слишком многого.

Коротышка Сулейман, наш водитель, виляя на черной ректорской машине, выехал на магистраль. Слава богу, больше не надо плестись как черепаха: справа была обочина, и как все большие черные машины, наша тоже могла ехать по этой запретной пустой полосе.

Трасса Е80 была забита до отказа, тысячи машин не двигались с места. «Господи, ну что за город, — подумала я, — везде пробки. Чтобы успеть на вечерний рейс, надо утром выезжать, что ли?»

То и дело какие-нибудь умники, завидуя нам, пытались выехать на обочину, но, боясь штрафа, быстро с нее съезжали. Ушлые пройдохи! Правда, меня тоже водитель возил по этой заветной полосе, но я же не ради своего удовольствия разъезжаю. В мегаполисе, где пятнадцать миллионов человек теснятся как сельди в бочке, как прожить без маленьких привилегий?

— Что это тебя насмешило, абла?¹

«Этот шофер за мной подглядывает, что ли, — подумала я. — Хватит коситься в зеркало! За дорогой следи!»

— Ничего, вспоминала кое-что...

Что я могла вспоминать? Я думала про обочину. Наверное, улыбнулась, когда подумала: «Ездила бы я по обочине, не будь я в ректорском автомобиле».

— Долго еще ехать?

— Через двадцать минут будет там. Если бы не служебный автомобиль, мы бы и до полуночи не добрались.

Пока мы неслись вперед, за нами наблюдали дорожные полицейские. Они высматривали, кто мы: обычные граждане, которых надо остановить, отругать и выписать штраф, или важные персоны, которым надо отдать честь? Потом, завидев мигающий синий маячок рядом с номерным знаком, они понимали, что мы члены общества избранных, и приветствовали нас.

Боже мой, не страна, а рай! Все так просто. Пока ты едешь в ректорском автомобиле, разумеется.

Я же собиралась прочитать распечатки. Профессор права, немец, холост... Холост? Разве остались в наши дни неженатые профессора?

¹ Букв. «старшая сестра» (*тур.*). Уважительное неформальное обращение к женщине в Турции.

— А, ясно, — пробормотала я. Я проглядела самое важное: под именем «Максимилиан Вагнер» была указана дата рождения. 19 августа 1914 года. Значит, ему 87 лет. Ну и старик, как же он сюда доехал? Наверное, жена умерла или они развелись. Хотя в их времена не было столько разводов, люди женились, чтобы жить вместе, а не чтобы развестись, как сейчас.

«Вот так сюрприз», — пронеслось в голове. Три дня мне придется лечить болячки старика и давать ему таблетки. Чтоб тебя, Максимилиан Вагнер! Не нашел лучшего времени приехать в Стамбул, чем в эти гадкие февральские дни?

Я заранее знала, что будет спрашивать старик из Америки. «О-о-о, в Стамбуле бывает так холодно? А я привез вещи для жаркого климата. М-м-м, и дороги у вас есть? Извините, а почему вы без платка? А разве женщины могут работать в университете?»

Я уже привыкла к таким вопросам. Каждый раз перед встречей с иностранцем я морально готовилась. С фальшивой улыбкой я отвечу старику то же самое, что и остальным: республика, реформы, в Турции женщины получили избирательное право раньше, чем во многих европейских странах, сорок процентов университетских преподавателей — женщины. И добавлю: уже более полувека в этой стране не носят фески¹, у мужчин не бывает четырех жен, турки — не арабы, в Стамбуле нет верблюдов и пустыни, зимой все морозят задницу, ну и тому подобное.

Про себя же я буду ругаться: «Столько информации в открытом доступе, болван, взял бы и почитал, узнал бы страну, куда едешь! Мы же не считаем до сих пор Америку страной краснокожих и ковбоев! Ты же профессор, как можно приезжать таким неподготовленным?»

¹ Феска — головной убор, распространенный в восточных государствах и странах. Представляет собой цилиндрическую или конусообразную шапку, часто выполненную из яркой ткани и украшенную различными узорами.

В то же время я скрою, что, несмотря на гарантированные законом права, многих женщин по-прежнему избивают, женские убежища переполнены, а на востоке девушек могут казнить по решению семейного совета. Ведь это ранит мои патриотические чувства. К тому же это не вся правда, а лишь ее часть.

Объяснять все это часто приезжающим иностранцам, а потом вести их на экскурсию на «Гранд-базар» и в «Голубую мечеть»¹ и помогать покупать кожаные куртки, яблочный чай, синие бусины от сглаза и рахат-лукум — важнейшая часть моей работы. В нынешнее время, когда работу найти нелегко, ничего не остается, кроме как отвечать на глупые вопросы, умело уходить от ухаживаний престарелых профессоров, включая дурочку, а при прощании в аэропорту терпеть их поцелуи и объятия, будто мы сто лет как родные, и слушать разглагольствования о турецком гостеприимстве...

Что поделаешь, у каждой работы свои недостатки. У моей вот такие. Когда бывший муж, несмотря на судебное решение, не платит алименты и вся ответственность за четырнадцатилетнего сына плюс школьные расходы ложатся на твои плечи, ты не можешь позволить вести себя как многодетные голливудские звезды.

Ранним утром выбегаешь из дома, влезаешь в переполненную маршрутку, чтобы добраться до чертовой работы, вечером уставшая как собака тем же путем возвращаешься домой, кормишь сына, чей смысл жизни — играть в «Плейстейшен», а на следующий день повторяешь все снова, как современная женская версия Сизифа, — так и выживаешь.

¹ Гранд-базар и Голубая мечеть — европейские названия известных стамбульских достопримечательностей: исторического рынка Капалы-Чарши и мечети Султанахмет.

К выходным под глазами появляются черные круги. Решаешь приятно провести время в компании пары подруг и стремишься в громадные торговые центры — эти новые святыни Стамбула.

Приятно бывает посмотреть американскую романтическую комедию, а потом, пока не рассеялось приятное чувство, опрокинуть два бокала вина в каком-нибудь ресторанчике. Смотришь — за большинством столиков сидят девушки. Интересно, когда это женщины с мужчинами так разделились?

Девушки сначала в красках описывают, как хорошо быть одинокой и независимой, а затем все время говорят о мужчинах. Говорят все одно и то же: женщины наконец избавились от векового рабства и обрели самостоятельность, поэтому институт брака больше не нужен, женщины стали образованнее и успешнее, что крайне беспокоит мужчин, через двести лет мужчин совсем не останется и женщины будут размножаться без их участия, и все тому подобное.

Иногда и я присоединялась к таким разговорам. Говорила, что в этом-то и состоит трагедия успешной женщины в современном мире. Так и будет продолжаться, пока мужчины выбирают себе жен, а не наоборот. Счастливые времена наступят тогда, когда девушки будут покупать кольца и делать возлюбленным предложение, будут отправлять свою семью на сватовство в дом молодого человека, и в семью будет приходиться не невестка, а зять. Но в Турцию такой обычай придет в последнюю очередь. Ведь какими бы сильными ни становились женщины, Турция — страна-мужчина.

Я делила страны по половому признаку. Например, Скандинавские страны, Франция, Италия были женщинами, а Германия, Испания, США — мужчинами...

Седой мужчина передо мной, откинувшись в кресле, постоянно дергается. Мне не мешает, но какой же он беспокойный. Сидящая в моем ряду с левой стороны парочка без

конца целуется. Поскольку кресла бизнес-класса откидываются полностью, они выглядят, будто лежат у себя в спальне. Я полностью уверена, что они сейчас ласкают друг друга под одеялом. Как утверждал Шопенгауэр, природа обманывает их в целях сохранения вида. Неужели то, что мы называем любовью, на самом деле лишь обман, необходимый для рождения потомства?

Когда мы ехали в аэропорт встречать профессора, Сулейман то и дело поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Я старалась не встречаться с ним взглядом. Несомненно, этот дурачок видел во мне «разведенку». Все мужчины одинаковые. Стоит женщине развестись, как она непременно ищет «мужчину», непременно в нем нуждается! Кто знает, что он себе нафантазировал. Прислонив голову к стеклу, я наблюдала за дождем.

Наконец, пройдя полицейский контроль на въезде в аэропорт имени Ататюрка¹, мы были на месте. Большой черный служебный автомобиль и здесь произвел впечатление: мы смогли подъехать прямо к выходу, куда не пускали обычные машины. На самом деле наш мерседес был очень старый. Бог знает, от какого ректора он достался. Возможно, тот ректор уже умер, а старик-мерседес, регулярно оказываясь в ремонте, кряхтя и скрипя, все продолжает служить.

Тому, что в аэропорту было полно народа, я не удивилась, конечно. В этой стране везде полно народа. На дорогах, автобусных остановках, в торговых центрах, кино, ресторанах, на площадях... Многолюдно и шумно. В огромном городе не найдешь места, чтобы на пару минут побыть в одиночестве и отдохнуть в тишине. Пробираешься через столпотворение

¹ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) — лидер Войны за независимость 1919–1922 годов, первый президент Турецкой Республики.

на площади Эминёню: зазывалы предлагают, чтобы их ручной орел выгащил для тебя записку с предсказанием, кто-то врубил на полную громкость песни в арабском стиле, продавцы вопят: «Симит!¹», «Чищенные огурцы, киви!», заклинатели гипнотизируют своих змей, рядом разложили на продажу поддельные часы, дети предлагают птиц в клетках, которых покупатели потом выпустят на волю, загадав желание, — в общем, пробираешься через всю эту потную, шумную толкотню, чтобы найти на берегах Босфора укромный уголок для отдыха.

Так размышляя, я стояла в зоне выхода пассажиров, одновременно посматривая на огромное светящееся табло. Да, самолет из Франкфурга приземлился. Значит, иностранец сейчас выйдет. Подняв табличку с надписью «проф. Максимилиан Вагнер», я начала ждать. Пассажиры выходили группами: работающие в Германии турки, туристы... Стюардесса вынесла на руках светловолосую девочку лет десяти...

И тут я увидела профессора. Сразу привлекли внимание его высокий рост и ярко-голубые глаза, на нем было черное пальто и фетровая шляпа. В правой руке профессор держал футляр для скрипки, а в левой — чемодан средних размеров. Остановившись на выходе, он осматривал толпу встречающих. Увидев табличку в моих руках, мужчина улыбнулся и подошел. Подойдя к разделяющему нас ограждению, он поставил чемодан на землю, снял шляпу и, протянув мне руку, сказал по-английски:

— Добрый вечер! Я Максимилиан Вагнер.

В тот момент я заметила, как же он красив. Аккуратно стриженные седые волосы, маленький нос, глубокие морщины, которые были ему очень к лицу, — все это делало

¹ Симит — бублик с кунжутом, распространенный на Ближнем Востоке и на Балканах.

Максимилиана очень привлекательным. Еще больше я удивилась, что в первый раз передо мной мужчина снял шляпу.

— Добро пожаловать, профессор! Я Майя Дуран.

Мы вместе дошли до конца ограждения.

— Наша машина прямо у входа, — сказала я.

Хотя мне и хотелось, я не стала предлагать профессору понести чемодан. Я боялась, что он воспримет это не как помощь пожилому человеку, а как раболепие, свойственное угнетенной мусульманке. Да и сам Вагнер, несмотря на возраст, выглядел бодрым и сильным и держался прямо.

К счастью, подоспел наш внимательный шофер Сулейман. С широкой улыбкой, растягивая на турецкий манер слова, он произнес *welco-o-ome, welco-o-ome*¹ и взял у профессора чемодан.

Когда мы вышли на улицу, профессор вновь надел шляпу и повязал серый кашемировый шарф.

— Я нечасто простужаюсь, — улыбнулся он, — но в Стамбуле в это время года бывает очень холодно.

— Вы подготовились, — ответила я. — Большинство иностранных гостей, думая, что едут на Ближний Восток, приезжают легко одетыми.

Он рассмеялся.

— А я знаю Стамбул. Не раз испытывал здешние холода.

Не знаю, сейчас ли мне так кажется, когда я печатаю эти строки в удобном кресле самолета, или тогда я это заметила, — но я помню его печальное выражение, хотя он и улыбался.

Сулейман открыл дверь черного мерседеса:

— О! *Old man, old car!*² — сказал профессор.

Мы посмеялись. Но его печальное выражение, появившееся, когда мы заговорили о Стамбуле, не пропадало.

¹ Добро пожаловать (англ.).

² Старый мужчина, старая машина (англ.).

Вообще я не очень коммуникабельная, многие даже считают меня холодной. Однако к этому человеку я почему-то сразу почувствовала симпатию.

По дороге профессор устал и печально смотрел по сторонам. Я чувствовала, как он заполнял автомобиль своим присутствием, и это странным образом на меня действовало. Я испытывала к нему и уважение, и какую-то симпатию. Не знаю, чего было больше, но совершенно точно он был интересен и не похож на прежних гостей.

— А когда вы были в Стамбуле?

— С тридцать девятого по сорок второй.

— О, как давно. Наверное, все очень изменилось.

— Да, тогда ни автомобилей столько не было, ни зданий.

Да и трасс таких не было.

Он затих. Я тоже ничего не говорила. Сулейман, не понимая, почему мы молчим, тревожно поглядывал в зеркало заднего вида.

На обратном пути тоже были пробки, мы снова ехали по обочине.

— Вы не могли бы убавить температуру?

Только услышав слова профессора, я поняла, как же в машине жарко. Сулейман тут баню устроил. Я попросила его понизить температуру. Затем помогла профессору снять серый шарф и черное пальто. На нем была белая рубашка с острым воротничком и вельветовый коричневый пиджак с кожаными заплатками на локтях. Он совсем не был похож на человека, только что прилетевшего из Америки.

— Чувствуете джетлаг¹, мистер Вагнер?

¹ Джетлаг (*англ.* jetlag) — временное расстройство, возникающее в результате быстрого перемещения через несколько часовых поясов, что приводит к несоответствию между внутренними биоритмами организма и внешним временем.

Литературно-художественное издание Әдеби-көркем баспалым
Массовое издание Бұқаралық баспалым

ЗАРУБЕЖНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ FICTION

Зюльфию Ливанели

СЕРЕНАДА ДЛЯ НАДИ ЗАБЫТАЯ ТРАГЕДИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Заведующий редакцией *О. Ро*
Ответственный редактор *А. Никтовенко*
Художественный редактор *Н. Данильченко*
Технический редактор *Л. Силицына*
Корректоры *П. Шевнина, В. Алексина*
Верстка *К. Иванов*

В оформлении книги использовано произведение Франца Шуберта «Серенада»,
в оформлении обложки — © EVREN MOREL / shutterstock.com.

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.04.2025.

Формат 60×88 ¹/₁₆. Гарнитура «Caslon 540 BT». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,44.

Тираж 2000 экз. О-DCF-36494-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака «КоЛибри» 115093, Москва, вл. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – «КоЛибри» тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай баспалымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
от 29.12.2010 г. не распространяется.

«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.